

ПОСТИГАЯ ЛЕРМОНТОВА: К 200-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

А.П. ДАВЫДОВ

Лермонтов и Русская Реформация

В статье М. Лермонтов исследуется как аналитик русской культуры и один из пионеров Русской Реформации – гуманистического движения в российской элитарной культуре, начавшегося с творчества А. Пушкина. Лермонтов и Пушкин – каждый по своему – впервые в России сказали: личность в России возможна. Из этого источника, хотя и не только из него, родились российский неполитический либерализм и русская художественная литература XIX–XXI вв.

Ключевые слова: Лермонтов, культура, Россия, Бог, Демон, личность, любовь, поэт, спасение.

In this article M. Lermontov is studied as an analyst of the Russian culture and one of the pioneers of the Russian Reformation – humanistic movement in the Russian elite culture which started from the creative works of A. Pushkin. Lermontov and Pushkin, each on their own, were the first who declared: person in Russia is possible. This source, though not only this, created Russian nonpolitical liberalism and Russian literature of XIX–XXI centuries.

Keywords: Lermontov, culture, Russia, God, Demon, person, love, poet, salvation.

На звезды устремлял я часто взор
И на луну, небес ночных убор,
Но чувствовал, что не для них родился;
Я небо не любил, хотя дивился
Пространству без начала и конца,
Завидуя судьбе его творца;
Но, потеряв отчизну и свободу,
Я вдруг нашел себя,
В себе одном
Нашел спасенье целому народу;
И утонул деятельным умом
В единой мысли, может быть, напрасной
И бесполезной для страны родной;
Но, как надежда, чистой и прекрасной,
Как вольность, сильной и святой.

М. Лермонтов

С творчества А. Пушкина и М. Лермонтова начинается и более двухсот лет продолжается в России гуманистическое движение, которое можно назвать Реформацией в русской культуре, или Русской Реформацией.

Давыдов Алексей Платонович – доктор культурологии, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Реформация в русской культуре:

– это сдвиг в фундаментальных ценностях элитарного и массового сознания, смена культурных оснований, переход от соборно-авторитарной доминанты в динамике культуры к личности;

– это то, к чему российская имперская власть всегда относилась подозрительно; понимала, что без свободы творческой личности развития в стране не будет, но соглашалась с этой свободой невольно и ожидала в страхе; она видела, что независимая личность – ее конкурент и могильщик, поэтому ее творчество она всегда ограничивала и подавляла;

– это то, чем более двух веков занимается русская литература А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Гончарова, И. Тургенева, Л. Толстого, А. Островского, А. Чехова, М. Булгакова, Б. Пастернака, М. Шолохова, и то, почему она получила название великой. Каждый писатель своим уникальным мышлением воздвиг собственную вершину в горной стране, которую можно назвать Русской Реформацией. Плоды лермонтовской Реформации настолько значимы, что до сих пор оказывают влияние на нравственный выбор русского человека.

Реформация как способ мышления и феномен культуры

Логике реформационного мышления как культурного явления, я начинаю с текстов Библии, хотя ее можно обнаружить и в более ранних литературных текстах. Для меня этот тип мышления начался с конфликта между мистическим гнозисом и *ratio* в райском саду Бога. Человек съел яблоко с древа познания добра и зла и, отбросив гнозис в своем способе познания, начал мыслить рационально. Ветхозаветные Исайя, Иеремия, Иезекииль и затем новозаветные Иисус и Павел, каждый по своему, ввели человеческое в смысл Божественного. Европейские Ренессанс (XIV–XVII вв.), Реформация (XVI–XVIII вв.) и Просвещение (XVII–XIX вв.) конкретизировали эту динамику.

Раскол христианских церквей, происшедший с VI по XVI/XVIII вв., стал частным и далеко не основным результатом Реформации как финального аккорда реформационного процесса. Начавшись в XVI в. как гуманистическая реформа Церкви, Реформация за века существенно гуманизировала основания европейской культуры. Либерализация основ религии, либерализация и секуляризация фундаментальных ценностей европейского человека, нравственное оправдание повседневности, независимости человека от исторически сложившихся стереотипов, способности личности к самоорганизации, индивидуальной ответственности перед Богом и обществом – этот расширившийся реформационный процесс стал феноменом мировой культуры и через русскую художественную литературу XIX в. проник в светскую культуру России.

Пушкин и Лермонтов впервые в России нравственно оправдали или, выражаясь юридическим языком, легитимизировали самость человека, его независимость от исторически сложившихся соборно-авторитарных стереотипов русской культуры. Впервые был отрефлектирован общественный запрос на реформационные интерпретации смыслов Божественного, веры, любви, творчества, свободы, самоорганизации, ответственности, диалога:

– любовь стала основанием самой себя;

– основанием веры стала способность искать индивидуальный путь к Богу; носителем высшей нравственности стал не столько объект веры, сколько путь к ней;

– субъективность, ранее переданная Богу и Его социальным производным, вернулась в способность личности к независимости от диктата исторически сложившихся соборно-авторитарных стереотипов и к повышению меры своей внутренней свободы;

– основанием свободы творчества и социальной ответственности стала способность индивидуума выйти за рамки культурной традиции и искать адекватную меру выхода, меру медиации (*mediana* (лат.) – середина, *mediation* (англ.) – поиск середины) на своем собственном основании;

– основанием отношения к ценности жизни стала способность к самоорганизации.

На страницах художественных произведений началась Русская Реформация – гуманистическое движение, религиозно-нравственное по своим целям, но секулярное по своим средствам.

Возможна ли личность в России?

Вопрос, вынесенный в этот подзаголовок, – основной вопрос реформационного мышления, основной вопрос Русской Реформации и основной вопрос творчества Лермонтова.

Отвечая на него, вспомним лермонтовское:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом (т. 1, с. 282).¹

Вспомним также образ Печорина в “Герое нашего времени” – символ неудачной попытки русского человека стать личностью: комплекс неполноценности, ложь и самообман, презрительное равнодушие к жизни, зависть к Другому, потому что он другой, месть любви за то, что она не с ним. Вспомним стихи “Смерть поэта”, “Пророк”, “Дума” и многие другие, пьесы “Испанцы”, “Menschen und Leidenschafen (Люди и страсти)”, “Странный человек”, “Маскарад”. Главный герой этих текстов – “нравственный калека”. Социальную патологию этого героя В. Белинский назвал “болезнью Печорина”. Пушкинский “инвалид в любви” и лермонтовский “нравственный калека” открывают бессмертный ряд – “мертвые души” Гоголя, “уроды” Гончарова, “гамлетики” Тургенева, “подпольный человек” Достоевского, “кисляк” Чехова, “шариковы” Булгакова, патологичные образы, созданные современными русскими писателями, – все они образовали портрет исторически сложившейся русской культуры, не адекватной происходящим в мире переменам и поэтому не способной жить.

И был вызов поэта несправедливому и равнодушному к человеку Богу: “Ты виновен!” в том, что русский человек – такой, какой он есть (т. 3, с. 172; с. 248). На высоту лермонтовского вызова русской культуре не поднялся в России никто ни до, ни после поэта.

Казалось бы, ответ на вопрос “Возможна ли личность в России?” есть, и он однозначен: личность в России невозможна. Но все-таки... поэт создал образ Демона. Демон искал смысл жизни, и был момент, когда он понял, что он его нашел, и был счастлив...

Поиск Лермонтовым альтернативы и соборно-авторитарной доминанте в русской культуре, и “болезни Печорина” прошел множество этапов. Поэт задавал себе вопросы и отвечал на них. Истина – в служении добру? Нет! В служении злу? Нет! Истина – в сфере между добром и злом? Нет! В слиянии с природой? Нет! В поиске справедливости? Нет! Так в чем же истина? Она – в способности поэта быть поэтом, любить и быть независимой личностью.

Прошло 200 лет со дня рождения поэта, но проблематика его “демонических” вопросов/ответов не потеряла своей актуальности и сегодня. “Способность любить” как амбивалентное основание “способности быть личностью” – центральная тема поэмы “Демон” и всей послелермонтовской русской литературы.

¹ Здесь и далее произведения Лермонтова цитируются по изданию: *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч. В 4 т. М., Правда, 1969.

Демон – поэтический образ, который Лермонтов придумал еще в детстве и к которому постоянно обращался в поэтических грезах. “Я небо не любил”, – пишет о себе поэт в вынесенном в эпиграф стихотворении, и нашел себя “в себе одним” и для себя и для России. Из этих установок и родилась его “демониада”, суть которой – в протесте против сложившихся стереотипов культуры. Наиболее глубоко проработанный вариант протестного Демона – в поэме “Демон”. В 1829–1839 гг. Лермонтов создал восемь редакций поэмы и ни одна из них его не устроила. Он так и не опубликовал ее. “Я кончил – и в груди невольное сомненье!”, – написал он на копии шестой редакции “Демона”, посланной В. Лопухиной. Рукопись расходилась в списках. Начинал поэт с водевильного сюжета о попытке Демона соблазнить монашенку Тамару, любившую ангела, но по мере продвижения работы поэма превращалась во все более глубокий анализ человеческой реальности. И кто знает, чем закончил бы поэт, переходя от сомнения к сомнению, если бы не его смерть.

Демон служит Богу тем, что преданно созерцает Его в раю и в этом созерцании видит смысл своего существования. Но затем понимает бессмысленность жизни без “желаний”. Демон – Тамаре: “Во дни блаженства мне в раю/Одной тебя не доставало...”. Он не может “жить для себя, скучать собой...” (т. 2., с. 431). Хочет жить земной жизнью, сам принимать решения и... бежит из рая. Бросается в другую крайность – служит дьяволу. Но и это занятие бессмысленно: “Он сеял зло без наслаждения,.. и зло наскучило ему”. Не хочет он и отношений с людьми, увидев, что в них царит страх. Демон поселяется в ледяном гроте в горах Кавказа, дружит с тучами и бурями. Но слияние с молчаливой природой ему тоже скоро надоело. Он – один, как “пень горелый”. Личность, не зависящая от стереотипов русской культуры, не состоялась.

Жизнь наполняется смыслом, только когда он встречает монашенку Тамару. Любовь возникает как новое основание жизни. На заново обретенном основании возрождается самодостаточность личности, но ненадолго... Возможна ли личность в России? – основной вопрос поэмы.

А теперь давайте задумаемся в логику мышления Демона и попытаемся понять смысл той нравственной вершины, на которую поднялась Русская Реформация в лермонтовском “демонизме”.

Любовь выше веры

Оказалось, что в поисках альтернативы смыслом ада, рая, добра и зла, главное для человека не его разрыв с внешней средой, а переосмысление своей сущности. Демон уверен, что раз он не полюбил ни Бога, ни дьявола, ни людей, ни природу, значит, любить неспособен и находится в состоянии железного сна. Но после встречи с Тамарой понял, что железный сон прошел и что “любить он может”. Сначала возникло предчувствие любви. Предчувствие родило взгляд, высветивший хаос. Взгляд увидел в хаосе, различил и выхватил из него – Тамару. Одного взгляда было достаточно, чтобы отличить ее от всех девушек мира. Что изменилось?

Бессмертие и безграничная власть – самое ценное, чем обладал Демон, сущность демонизма – перед лицом обнаружившейся способности к любви вдруг утратили статус сущности:

Лишь только я тебя увидел –
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертие и власть мою (т. 2, с. 430).

Открытие способности любить как основания способности искать истину и, следовательно, способности жить остановило метания Демона. Оно вернуло его в жизнь людей, где есть страх, мелочное самолюбие, зависть, месть, корысть, насилие, предательство, преступление, но есть и... способность любить, порождающая родственность душ, верность, дружбу, любовь, счастье. Посетившая Демо-

на способность любить оправдала в глазах Демона способность человека быть человеком.

Я позавидовал невольно
Неполной радости земной.
Не жить как ты, мне стало больно,
И страшно – розно жить с тобой (т. 2, с. 430).

Полюбивший Демон ужасается своей “пеньгореловой” пустоте как патологии. В нем формируется новое основание мышления.

Какое? Чтобы ответить на этот вопрос, я обращаюсь к тексту Библии, содержание которого Лермонтов использовал в “Демоне”: *“Вначале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою”* (Быт. 1:1). Но поэт конкретизирует: не просто Дух Божий носился над пустынной землей и водой, а Любовь – Дух Божий как основание новой жизни носился в пустыне эфира с начала мира. Демон – Тамаре:

В душе моей, с начала мира,
Твой образ был напечатлен,
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира (т. 2, с. 430).

Итак, не Бог и не вера, а любовь и способность любить были в начале мира. Лермонтовская Божественная любовь – новое основание бытия, альфа и омега всего. Ей может противостоять только ад. Но даже ад теряет силу, превращаясь у Лермонтова в царство любви.

В редакции 1831 г. Демон – Тамаре:

Так что ж? – ты будешь там со мной!
Мы станем жить любя, страдая,
И ад нам будет стоить рая;
Мне рай – везде, где я с тобой! (т. 2, с. 473).

А где же вера влюбленных в Бога, в спасительность рая, где Церковь? Ни вера, ни рай, ни тем более Церковь не способны конкурировать с любовью. А раз так, мы не можем не вспомнить ап. Иоанна: *“В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков; И свет во тьме светит, и тьма не объяла его”* (Ин. 1:1-5). И если, внимая Иоанну, мы говорим, что вначале было Слово, то, читая Лермонтова, понимаем, что словом этим было Слово Любви.

И никак иначе.

Насыщение любовью всего, проникновение любви всюду, преобразование любовью субстанции Вселенной – мысль не случайная, не частная и принадлежит не только поэме “Демон”. Она во всей лермонтовской “демониаде”:

Послушай, быть может, когда мы покинем
Навек этот мир, где душою так стынем,
Быть может, в стране, где не знают обману,
Ты ангелом будешь, я демоном стану! –
Клянися тогда позабыть, дорогая,
Для прежнего друга все счастье рая!
Пусть мрачный изгнанник, судьбой осужденный,
Тебе будет раем, а ты мне – вселенной! (т. 1, с. 241).

В некоторых своих стихотворениях поэт выступает как верующий человек (например, в “Когда волнуется желтеющая нива”), но ни в одном вера не является универсальным принципом Вселенной. Строительный материал универсума – любовь. Любящий Демон создает из любви новую структуру мира: рай – это когда он становится для нее раем навсегда, а она для него навсегда Вселенной – и тогда, когда они живы, и в своем послесмертии. Не вера в Бога и не рай (“Клянися тогда позабыть, дорогая, / Для прежнего друга все счастье рая!”), а способность к вечной любви – путь в бессмертие. А рай, веру, стремление попасть в Царство Небесное, Церковь он отодвигает на периферию своего мышления. Лермонтовская поэзия решительно ставит любовь как путь к высшей нравственности – выше веры². Это новый для России способ поиска высшей нравственности. Это Реформация.

Любовь выше спасения души

Но тезис, что любовь выше веры, не исчерпывает реформационной интерпретации смысла любви. Он оставляет не решенным главный для верующего влюбленного вопрос: не препятствует ли любовь спасению души? Почему этот вопрос важен? Богоборец Лермонтов был глубоко верующим человеком. Страх вечных мук в аду и стремление спасти свою душу – основная проблема всех верующих людей. Лермонтов не был бы Лермонтовым, если бы прошел мимо этой проблемы. Лермонтовская Реформация не только ставит вопрос о соотносительности любви и спасения души, но и дает на него свой ответ.

Миг любви на земле, если жизнь понимать как миг по сравнению с вечностью, стоит вечной жизни в безлюбном, пусть и высоконравственном раю. На этом основании нравственность устремленности к любви возносится *над* нравственностью спасения и сама становится высшей нравственностью.

Я о спасенье не молюсь,
Небес и ада не боюсь;
Пусть вечно мучусь; не беда!
Ведь с ней не встречусь никогда! (т. 2, с. 185).

Итак, ни жизни на земле, ни спасения в раю не надо, если нет любви:

Что без нее земля и рай?
Одни лишь звучные слова,
Блестящий храм без божества (т. 2, с. 276).

Демон как Антибог не может дать Тамаре рай, но может дать “все, все земное” (т. 2, с. 437). Значит – и любовь. Вместо. Взамен... Но как это – взамен рая? С точки зрения религиозной критики отказ от спасенья в раю ради ценности бытия, которое лежит во зле, по определению – гибель человека. А с точки зрения Лермонтова, любовь “вместо” рая, если рай безлюбен – единственно возможный путь поиска духовности и высшей нравственности. Это новое, и это первый реформационный шаг в постановке проблемы любви-спасения. И есть второй.

Лермонтов конструирует новую концепцию рая. Какую? Он открывает рай для любви земной, которая к любви к Богу может не иметь никакого отношения.

Что мне сиянье божьей власти
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой (т. 1, с. 324–325).

² Вспомним *Апостола Павла*: “Теперь же пребывают вера, надежда, любовь – эти три, но наибольшая из них – любовь” (1 Кор. 13:8-13).

Выше я цитировал стихи, где Лермонтов наполняет ад любовью. Он мог легко это сделать – дьявол поэту не указ. Но вот настало время наполнить любовью рай, и тут возникает трудность. Лермонтов – верующий человек. Рай – Царство Бога, и для него, если нет санкции Бога, перенос туда земной любви невозможен. Поэтому Лермонтову, чтобы произвести изменение в понимании высшей нравственности, надо произвести изменение в интерпретации Бога – в этой точке лермонтовская Реформация достигает пика. Ангел, уносящий душу Тамары:

Но час суда теперь настал –
И благо *Божие решение!*
Дни испытания прошли
С одеждой брэнною земли
Оковы зла с нее ниспали.
Узнай! Давно ее мы ждали!
Ее душа была из тех,
Которых жизнь – одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недосягаемых утех:
Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!
Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои...
Она страдала и любила –
И рай открылся для любви! (курсив мой. – А.Д.; т. 2, с. 441–442)

Любовь монашенки Тамары к Демону с точки зрения церковного канона – абсолютно греховная страсть, соединенная с богоотступничеством. Тем не менее душа Тамары попадает в рай – ее туда несет ангел, целенаправленно посланный Богом. Бог в этих строчках уже другой: он открыл рай для преступницы, которая совершила страшное преступление – любила Его идейного и политического противника. И все же Бог спасает душу Тамары. В этом сюжете происходит радикальное изменение канонической интерпретации спасения – не вера в Бога, а свободная любовь, на которую опирается Бог как на основание, принимая решение о спасении души грешницы.

Лермонтовская Реформация взяла еще одну нравственную высоту.

Возражение Дмитрию Мережковскому

На принципиальное изменение Лермонтовым концепции рая и основания спасения в “Демоне” впервые обратил внимание Мережковский: “Но если рай открылся для нее, то почему же и не для Демона? Он ведь также любил, также страдал. Вся разница в том, что Демон останется верен, а Тамара изменит любви своей. В метафизике ангельской явный подлог: не любовь, а измена любви, ложь любви, награждаются христианским раем” [Мережковский, 1911, с. 43]. Мережковский имеет в виду, что раз Тамара будет в раю, то ее душа там будет любить Бога, а не Демона – для того ангел ее туда и несет, то есть Тамара изменит своей прежней любви к Демону.

Все не так... В раю душа Тамары будет любить Бога только потому, что ее туда после смерти тела поместили помимо ее воли. Так получилось. В результате этого перемещения изменится объект ее любви. Но это не то, что называется “изменой”, “ложью”. Об измене можно говорить, когда человек сознательно переключается с одного предмета своего обожания на другой. В данном случае ее решения нет. Есть решение Бога. Это – не измена, а изменение ситуации, обстоятельств. Главное: Тамара будет продолжать любить – пусть Бога. Сначала Демона в земной жизни – по страсти, потом Бога в раю – так сложились обстоятельства. Может быть, этот тип любви ее устроит, а

возможно – нет, и она, как и Демон, сбежит оттуда, если сможет. Главное иное. Разве в любви – Демона ли, Бога ли – проявляется ложь любви? Напротив, здесь торжествует истина любви, способность любить как дар Божий.

Каков же вывод? Не ложь любви награждается раем, а способность любить – пусть нарушающая канон. Неправ Мережковский – не любовь стала другой. Рай стал иным. В вопросе о рае и Бог изменился. Рай открыл свои двери той любви, которая считалась до Лермонтова греховной, преступной, богоотступнической, богохульской, а в стихах Лермонтова – спасительной. Появился новый рай – открытый для всех. А вот и подходящее слово – либеральный. Открывающий двери свободной любви. Той, цель которой – она сама. Теперь судьбу человека определяет его способность любить: “Она (Тамара. – *А.Д.*) страдала и любила –/И рай открылся для любви”. Тамара, по решению лермонтовского Бога, заслужила спасение богоугодным поступком – любовью к Демону (!), который боролся против Бога (!). Это – альтернатива сложившемуся церковному представлению о Божественном. Это – новое. Это – диссидентство и Реформация. До Лермонтова в России такого не было.

Образ Тамары в “Демоне” автобиографичен. На это также обратил внимание Мережковский. Лермонтов, как и его персонаж – Тамара, как бы сотканный из лучшего эфира, явился созданием не для мира сего. Оттого, как и Тамара, не слишком задержался в этом мире. Пушкинская Черкешенка, лермонтовская Тамара, Анна Каренина Толстого, Катерина Островского, Аксинья Шолохова – созданы из эфира любви, поэтому все они гибнут. Их любовь с точки зрения морали преступна, они знают, что их ждет гибель, но жить не любя не могут.

Раз уж я говорю о религиозном спасении, то задаю вопрос – спасены ли души этих персонажей? С точки зрения традиционной морали – нет. Лермонтов же, создав представление об изменившемся Демоне, изменившемся Боге, изменившемся рае и изменившемся статусе любви, создает новую для русского человека мораль и говорит – да. Эти изменения – не “измена любви”, не “ложь” и не “подлог в евангельской метафизике”, а лермонтовский способ гуманизации социальных отношений в России и вариант Русской Реформации.

Все ли я сделал, чтобы объяснить логику лермонтовской Реформации? Нет. Непроясненным остается вопрос: если любовь выше веры, выше спасения и сама спасает, то в чем социальный смысл этой морали?

Личность как субъект Русской Реформации

Тайна абсолютного в том, что оно парадоксальным образом может изображаться только через относительное. Идею всеобщей сущности потусторонними средствами, то есть средствами сущности, выразить нельзя по определению. Вместе с тем тайна относительного может приоткрыться художнику-аналитику лишь в том случае, если он поймет ее как свой порыв к абсолютному, как попытку относительного понять свою сущность. На пересечении этих векторов рефлексии, в условной середине, оказываются не ценности исторически сложившегося всеобщего – Бог, род, земля, государство, Церковь, родина и т. д., а частное, личное, интимное, то есть единичное, интерпретируемое как всеобщее. На этом перекрестке рефлексий и рождается Реформация как медиационный и либеральный сдвиг в мышлении и личность как субъект этого сдвига, возникает новая жизнь и новое представление о ее полноте.

Тамара – Демону:

Скажи, зачем меня ты любишь!

Демон:

Зачем, красавица! Увы,
Не знаю!.. Полон жизни новой.

Демон – о себе:

С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый...
...Я все бывшее бросил в прах
Мой рай, мой ад в твоих очах (т. 2, с. 431).

Лермонтов о Демоне:

И входит он любить готовый,
С душой открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.

Демон:

Я отрекся от старой мести
Я отрекся от гордых дум
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум...
...Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться
Хочу я верить добру (т. 2, с. 435).

Демон в этих строчках – личность, которая оторицала родовые социальные отношения и принадлежит уже гуманистической культуре. Он готов и с Богом примириться, и искать взаимопонимание с людьми, но... на новом основании – признании своего права на любовь, более широко – признании своего права принимать решения на основе своего индивидуализма, на праве личности. На этом основании он вместе с кем угодно готов строить новое общество.

Это лермонтовский либеральный гимн идее Реформации в культуре России.

Возражение Юрию Манну

Итак, все смешалось в лермонтовской поэме. Полюбивший Демон выходит за рамки привычного демонизма и перестает быть... Демоном. Он радуется своей новизне. А у лермонтоведов возникают сомнения и вопросы. И новые споры.

Разве молиться, верить в Бога – это новые задачи? Все возвращается на круги своя? Демон уходит к прежнему допротестному, патологическому состоянию? Опять спастись в неподвижном сидении в раю и непрерывном смотре на Бога? “Как жалко! Он уже хотел / На путь спасенья возвратиться” – редакция 1831 г. (т. 2, с. 469). Опять застревание в инверсионном метании между сложившимися смыслами ада,рая, добра, зла?

Ни в коем случае.

В лермонтоведении принято считать, что этот поворот в жизни Демона примитивно инверсионен: желание примириться с Богом без раскаяния, то есть внутренне не изменившись. «Демон хочет примириться с небом, не раскаиваясь, – пишет Манн. – Искра раскаяния едва возникает в клятве-исповеди Демона (“Слезой раскаяния сотру/Я на челе, тебя достойном,/ Следы небесного огня”), но она тотчас гаснет... Его возвращение – это как бы вторичная попытка испытать судьбу, оставив не отмененным и не разрешенным весь прежний горестный опыт» [Манн, 2001, с. 225].

Неверный анализ. В том, о чем пишет Манн, Демон не инверсионен, он медиационен. Ему не в чем раскаиваться, потому что он и отменил, и разрешил весь свой предыдущий опыт через новый, который ни к примирению с Богом, ни к бегству от Бога как к архаичным для него крайностям не имеет никакого отношения. Новый опыт снял и идею “замирения” с Богом, и “бунта”, бегства от Бога как устаревшие для него противоположности.

Критик пишет, что Демон “проиграл битву” с Богом и “домогаются примирения” с Ним [Манн, 2001, с. 225]. *Sic!* Разве полюбив Тамару, Демон проиграл? И слова “готов я с небом примириться” совершенно не означают, что Демон примирения домогается. Он готов, он хочет, но не просит и не домогается. Полюбив Тамару, он стал победителем в споре со всеми сложившимися смыслами – и с Богом, и с дьяволом, и с Природой, и с людьми, и с собой прежним, вечно сомневающимся. Он еретик, но отнюдь не кающийся. Манн пишет, что желание Демона примириться с Богом означает его “нравственное возрождение” и переход “от зла к добру” [Манн, 2001, с. 224]. Но Лермонтов и Манн говорят о разном. У верующего, но безрелигиозного Лермонтова нравственное возрождение Демона связано с любовью к Тамаре, а у Манна (по-видимому, либо религиозного, либо политически ангажированного исследователя) – с желанием примириться с Богом. У полюбившего Демона появилась новая цель жизни и новое основание принятия всех решений. Он готов пойти на то, что считает важным, – примирение с Богом и людьми, но это важное – частное, не главное. Главное для него теперь – любовь к Тамаре. Через любовь он разрешает все остальное.

«Диалектика “Демона” такова, – пишет далее Манн, – что примирение неуволнимо оборачивается в нем новым бунтом, возвращение – повторным бегством из поэмы (здесь, по-видимому, критик имеет в виду, что в Демоне, потерявшем Тамару, проснулся “яд старой мести”. – *А.Д.*), обетованный же край – идеальным вместилищем материальных сокровищ. Это не переход из одного состояния в другое, а их одновременное – сознательное или неосознанное – соприкосновение, слияние» [Манн, 2001, с. 226].

Неверно. Попытка возвращения Демона – не механическое сложение противоположностей, а как раз переход. Но куда? Манн не выходит здесь за рамки древней оппозиции “замирение – бунт”. И мир с Богом в раю, и бунт против него, якобы разрешающийся в бегстве из рая в природу или еще куда-то, на самом деле не решили проблемы отношения Демона к Богу – в этом суть лермонтовской логики. И механически сложить “бунт” и “замирение” как противоположные основания деятельности без снятия в некой способности, которую Манн назвал “соприкосновением, слиянием”, невозможно. В том-то и заслуга Пушкина и Лермонтова, что они нашли это третье основание для России – способность любить, в котором смыслы и “бунта”, и “замирения”, не исчезая полностью, отодвигаются на второй план рефлексии, становятся несущественными.

Манн считает, что “давая обет примирения, герой в той же самой речи, в то же самое время продолжал свой бунт и, возвращаясь к своему Богу, в тот же самый момент призывал к новому бегству” [Манн, 2001, с. 225–226]. Совершенно неверно. Манн знает только противоположные смыслы “замирения/возвращения/добра” и “бунта/бегства/зла”, красиво мечется между этими крайностями, не замечая любви-альтернативы, любви-условной середины, любви-качественно новой меры этих традиционных смыслов как нового основания человеческого.

Генеральная оппозиция “замирение – бунт”, господствующая в анализе Манна, – это та самая ветхозаветная оппозиция, которую постепенно, трудно, но неуклонно, поэтапно, от стихотворения к стихотворению Лермонтов преодолевает в своем мышлении (см. [Давыдов, 2012]). После Пушкина и Лермонтова по этому пути идет вся русская художественная литература. И она продвинулась по нему гораздо дальше, чем наше литературоведение, хотя в определенном смысле движение России по этому пути только начинается.

Лермонтов последователен в своем анализе. Демон готов вернуться к людям и Богу на новом основании – своей способности любить, своей любви к Тамаре, и... (еще одно социологическое открытие Лермонтова!) он не чувствует себя при этом виновным. Новое основание для своей рефлексии и действий формирует и Тамара; причем Лермонтов, похоже, оно далось не сразу. В редакции 1830 г. читаем: “Она молиться уж нейдет... /Ей колокола звон противен”. А в последней редакции: “Сама не зная почтаму;/Святым захочет ли молиться – /А сердце молится ему”. И в то же время считает: “Виновна я быть не должна” (т. 2, с. 468).

В нравственном сдвиге, совершающемся в Демоне и Тамаре, как в фокусе, происходит перевод высшей нравственности из потусторонности в земное, человеческое, частное, личное, разворачивается нравственная динамика, характерная для пушкинско-лермонтовской медиационной тенденции в русской культуре XIX–начале XXI в. В словах “Виновна я быть не должна” происходит снятие ветхозаветного противоречия между безгрешным Богом и грешным человеком в третьем смысле – в способности человека свободно любить, в формировании новозаветно-гуманистического нравственного идеала.

Ключ к диалектике Лермонтова – в конце поэмы “Демон”. Ангел отбирает у Демона душу погибшей Тамары и собирается унести ее в рай – и Демон теряет новое основание своей жизни. Без любви он не может ни изменить концепциюрая, ни сам измениться, ни изменить свои отношения с Богом и людьми. Утративший и любовь, и способность любить, он стоит перед вновь разверзшейся перед ним пропастью, снова отделившей его от Бога и людей. Опустошенный, он возвращается к своей традиционной, демонической сущности. В нем проснулся “яд старой мести” – готовность к новому бунту, о котором пишет Манн. Демон опять становится застрявшим Демоном. Он вновь погружается в патологию “пеньгореловости”. Потому что любовь – возможное новое синтетическое основание развития человеческого в человеке – не состоялась. В этом сюжете Лермонтов глубокий диалектик. Поэт обозначил либеральный вектор самопреобразования русской культуры, изменив интерпретации добра, зла, Бога,рая, человека, нравственности, спасения и понимая, что сформироваться этому вектору в его эпоху было еще не суждено.

Как оценить художественный и гражданский подвиг Лермонтова? Отвечая на этот вопрос, я формулирую другой – может ли движение от властных полюсов в некоторое независимое смысловое пространство между ними, в условную альтернативную середину быть стихийным, неосознанным, экзальтированным? Может, но лишь в какой-то степени. В основном же оно – осознанное, сознательное, рациональное, результат замысла и проекта. В. Розанов говорит, что основным в Лермонтове было “подлинно стихийное, лешее начало” [Розанов, 1989, с. 273]. Какое заблуждение! Эти слова, произнесенные в 1901 г., принадлежат мыслителю, пытающемуся искать альтернативу и загниванию православно-самодержавной России, и нарастанию угрозы революции в религиозно-мистических пластах сознания человека. В Лермонтове, действительно, было сильно стихийное, природное начало. Но оно не было доминирующим. Потому что поэт искал не некую абстрактную идею альтернативы власти, а реальную альтернативу реальным властвующим полюсам.

Искать альтернативу власти через мистику (“лешее начало”) можно, восторгаясь воображаемыми потусторонними целями, пытаясь в поиске “правильной” святости стать святее всех святых и создавая что-то вроде новой церкви, партии, империи, нового идеала светлого будущего. Но реально вырваться за пределы влияния реальных полюсов на основе своей самости можно, лишь сознательно уйдя от утопий и экзальтаций, через *ratio*, самокритику, рефлекссию, переосмысление, волю и ответственность, через реальный сдвиг в культурных основаниях, через Реформацию в культуре. Лермонтовская любовь как богочеловеческая, личностная середина в “сфере между” сложившимися смыслами Бога и человека и как основание реформационного мышления от начала до конца самоценна, рефлексивна, рациональна и ответственна.

Но это не все о лермонтовской Реформации. Нужен еще один штрих, возможно, самый важный: как понять лермонтовский поиск в “сфере между” Богом и человеком? Как рождается личность в этой богочеловеческой середине?

Логика лермонтовской Реформации

В Библии есть образ теплохладности как ереси и самозванства, как образ нетрадиционного способа противостояния инверсионному мышлению (мышлению противоположными абсолютами), как смысл чего-то третьего, срединного, непонятного, и поэтому наиболее опасного для ветхозаветного мышления.

Бог Библии: *“Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если б ты был холоден или горяч!”* (Откр. 3:15).

Если бы тот, кого надо оценить, был бы “холоден” или “горяч”, его легко можно было бы причислить к врагам или друзьям и определиться в своем отношении к нему. Но “теплохладность” объекта заставляет делать опаснейшее для родовой традиционности дело – вводить в оборот новые средства оценки, что разрушает привычную инверсионность в мышлении.

Поэтому Бог говорит: *“Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих”* (Откр. 3:16).

Почему то, что Бог называет “теплохладностью”, – главный враг родовой архаики? Потому что “теплохладная” личность через свою независимость отвергает абсолютизацию смыслов “горячего” и “холодного” как формирование культурных оснований. И заявляет о себе как о новом, альтернативном основании культуры, способном создавать новые, творческие культурные формы. Такой тип отрицания – не просто критика культуры, это перевод дискурса о ценностях в новую парадигму мышления. Это переход из ветхозаветного разговора о всеобщем – сущности Бога, человека, бытия – в новозаветный разговор о частном, единичном – человеческом существовании, его повседневности, из умозрительной философии в экзистенциализм, из поиска Бога как единственной потусторонней меры (основания) бытия в представление о том, что мер бытия может быть много и все они могут быть установлены человеком. Гуманистическое, индивидуальное, медиационное “теплохладное” диссидентски располагается в богочеловеческой “сфере между” абсолютами – традиционными представлениями о потустороннем авторитарном Боге и посюстороннем соборном человеке – и еретически опирается на способность индивидуума рефлексировать по поводу своей рефлексии. А это означает, что “теплохладность” – тотальное разрушение ветхозаветной пропасти между Богом и человеком и конец соборной религии как таковой.

Как шел Лермонтов к тому, что названо в этой книге богочеловеческой серединой? Как он формировал представление о способности индивидуально искать альтернативную меру своего мышления абсолютами? Как он формировал независимую личность в себе, будучи верующим человеком? Где, в чем мера (основание) тех медиационных смыслов, которыми оперировал Лермонтов – “любви”, “поэзии”, “личности”? В чем реформационная логика лермонтовской середины?

Начнем анализ с внутренней противоречивости смысла личности. Смысл личности для Лермонтова, как и для Пушкина, имеет меру – способность человека устанавливать меру. Это видно хотя бы из его писем. Вот один способ поиска меры: *“Жизнь моя – я сам”*, – пишет он в письме к М. Лопухиной 2 сентября 1832 г. (т. 4, с. 370). В письме 28 августа 1832 г. он заключает: *“Я – та особа, у которой бываю с наибольшим удовольствием... Лучший мой родственник – это я сам”* (т. 4, с. 366). Лермонтов жестко устанавливает меру своей сущности – ценность способности быть собой, замкнутости на себе, своей самости. Но единственная ли это мера? Нет. Он записывает также противоположное: *“Некто очень хорошо заметил, что тот самый пустой человек, кто наполнен собою”* (т. 4, с. 436). Через противоположности возникают границы смыслового пространства, в рамках которого и проявляется способность Лермонтова искать меру (основание) своей сущности.

Лермонтов ведет поиск себя, своего Я, как это сказано выше, через освоение смысла любви. Но у любви есть конкурент – поэзия, например, в стихотворении (К* *“Я не унижусь пред тобою...”*). Смыслы любви и творчества идентичны и конкурируют на основе своей первоценности. Творчество – это функция обращенности поэта на себя, в себя, в свои способности и... в свою открытость миру. Это святыня, в которую, несмотря на открытость, не допускается никто, даже любовь. Но бастионы творчества, оказывается, не абсолютно неприступны перед любовью. *“Мне бы очень хотелось с вами повидаться; простите, в сущности, это желание эгоистическое; возле вас я нашел бы себя самого, стал бы опять, каким некогда был, доверчивым, полным любви*

и преданности, одаренным, наконец, всеми благами, которых люди не могут у нас отнять и которые отнял у меня сам Бог!”, – пишет Лермонтов в письме М. Лопухиной 23 декабря 1834 г. (т. 4, с. 380). Значит, у творчества есть мера? Значит, творчество становится подлинным, если измеряется любовью? Да. Но и у любви тоже есть мера – способность почувствовать свою самость, личность в себе.

Это для Лермонтова – “найти себя самого”, вернуть себе способности, которые отнял у него “сам Бог”. Это – не быть с Богом, то есть не быть “горячим”, и не быть против Бога, то есть не быть “холодным”, а быть независимым и от веры, и от безверья, и пусть эта “безбожная” мера независимости называется как угодно. Значит, мера любви как мера меры – это способность личности быть личностью, то, что в Ветхом Завете названо теплохладностью, а в моей статье получает название “середина”. Не прав Бог Библии: Он неудачно назвал неприятную Ему конкурирующую ценность теплохладностью. Не теплохладность в середине, в ней высшая точка накала, кипения жизни – синтез эмоции и *ratio*.

Именно в процессе поиска синтетической середины любовь достигает высшей ценности, когда поступками человека руководят не только природа, эмоция, страсть, инстинкт, но и способность к независимости от этих смыслов на основе первоценности его интеллекта. Синтез любви и интеллекта рождается, когда человек становится личностью в любви, а любовь – основанием способности быть личностью, когда в Другом и в себе он видит не “горячее” (“добро”) или “холодное” (“зло”), а такую же личность. Синтез начинает формироваться, когда полюбивший человек захочет измениться, чтобы понять Другого как новый и желанный для себя смысл и принять этот смысл как откровение, а свое желание стать новым – как результат этого откровения. Желание быть личностью в любви, измениться в любви, становящееся новой необходимостью, перетекающее в реальное переосмысление, в практическое действие, в самоизменение, в претензии к самому себе, в реформу себя – этот переход и есть поиск богочеловеческой середины, это и есть лермонтовская Реформация.

Продолжить Русскую Реформацию

Много поколений людей пришли и ушли в России после Лермонтова. Русское время беспощадно отбраковывало сиюминутное и охраняло бесценное. Сохранило оно и аналитическую мысль Лермонтова.

Двухсотлетний юбилей заставляет меня взглянуть на поэта не только как на производителя поэтических шедевров, но и как на бессмертного аналитика русской культуры. Лермонтов и Пушкин, каждый по-своему, впервые в России сказали: личность в России возможна. Из этого источника, хотя и не только из него, родились российский неполитический либерализм и русская художественная литература XIX–XXI вв.

Вместе с Пушкиным Лермонтов поднял знамя личности над исторически сложившейся соборно-авторитарной русской культурой, которая отвергает принцип личности по определению. Это знамя за двести с лишним лет не победило, но и не погибло. Самим фактом своего существования, нашей памятью, нашим воспитанием своих детей, нашей мечтой о свободном русском человеке оно продолжает выполнять свою миссию – призывать к себе тех, кто, преодолевая инерцию исторического воспитания, хотят почувствовать себя личностью и продолжать Русскую Реформацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Давыдов А.П. Неполитический либерализм в России. М., 2012.

Манн Ю. Русская литература XIX в. М., 2001.

Мережковский Д.С. Лермонтов. Гоголь. СПб., 1911.

Розанов В.В. М.Ю. Лермонтов. К 60-летию со дня кончины // *Розанов В.В.* Мысли о литературе. М., 1989.